

***

Воду льёшь, а она темна,
воду пьёшь, а она сияет.
Просыпается ото сна,
о тебе ничего не знает.

И целуешь её в уста,
и сияет она, покуда
постигаешь ты без труда:
человек — соучастник чуда.

***

Ушедшие приходят в твои сны,
и ставят стол ореховый и стулья,
тебя целуют в темечко, темны
их поцелуи.

Они сидят в небесной полумгле,
колеблет ветер лица их немые...
И сыплет снег под утро на земле,
где спят живые.

ГОЛЕМ

...А на лбу у него светится слово «ЖИЗНЬ»,
в голове — стекляшка, в груди — лоза.
— Вот слепаю, и будет он нам служить, —
говорит мне сын, тревожны его глаза.

— Будет нас спасать от любой войны,
будет гнать подальше от нас беду.
— Саша, сколько света и тишины
вон, в апрельском облаке и в саду.

Дался тебе этот глиняный истукан!
Вон, перо спускается по лучу...

Ухожу.
Наливаю вина в стакан.
И курю, и думаю, и молчу.

***

Ну вот — ты чистым стал листом
и истолчённой водою.
И мир, как тёмный добрый сом,
плывёт к тебе и над тобою.

Ни сна, ни памяти, ни дна,
лишь тихий снег, сухой шиповник,
растущий в заводи окна,
натёрший ветвь о подоконник.

ВЕЧЕРОМ

Замиранье.

Тайна.

Субботный вечер.

В пустотелой тыкве горит свеча,

освещающая сына лицо и плечи.

А потом он улицей мчит, рыча,

с головою тыквенной невесёлой —
треугольный взгляд, золотой ощер...

В темноте прозрачной,

живой,

сверчковой

он кота страшит, что к ночи сер,

да детей соседских...

Их визг и радость,

убегание в стрёкот, в бурьянный прах,

убывание лета,

и страх, и сладость,

голова, мерцающая в руках.

***

«А рубаху мне ты не ту надел...» —

говорит ему покойный отец.

Дом во сне его невозможно бел,

на столе разложен чабрец —

на газете старой, и пахнет им

так, что сыну впору глотать слезу.

И стоит в передней пастуший дым,

тишину держа на весу.

А потом — темнеет, и дверь скрипит,
и отцовы меркнут во тьме слова...
Лишь в углу у шкафа горит...болит
белизна холщового рукава.

***

Гений места селится в тишине,
и свистит, строгая корявый посох.
И пчелиным воздухом по весне
наполняет здешние абрикосы.

Знает всё о грозах и о траве,
и, росы не тронув, во тьме гуляет,
и ночные бабочки в голове,
как стекло прозрачной, светясь, порхают.

И однажды в горестном сентябре,
прошагав уныло сухой крапивой,
ты найдёшь то место на пустыре
меж прудом заглохшим и старой ивой.

И в стихи пытаюсь сложить слова,
ты заснёшь на куртке под веткой голой.
А во сне из посоха — все листья...
А во сне из воздуха — пчёлы, пчёлы...